

*Действительный член Академии наук СССР
Юрий Александрович Орлов (1893–1966).
12 сентября 1966 года.
Последняя фотография,
на обороте подпись:
«Дорогой Марии Ивановне [Визжилиной]»*

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

Ю. А. Орлов

В МИРЕ ДРЕВНИХ ЖИВОТНЫХ

(Очерки по палеонтологии позвоночных)

*Дорогому Николаю Алексеевичу
Визжилину
от сердца
преданного сына
17 V 61*

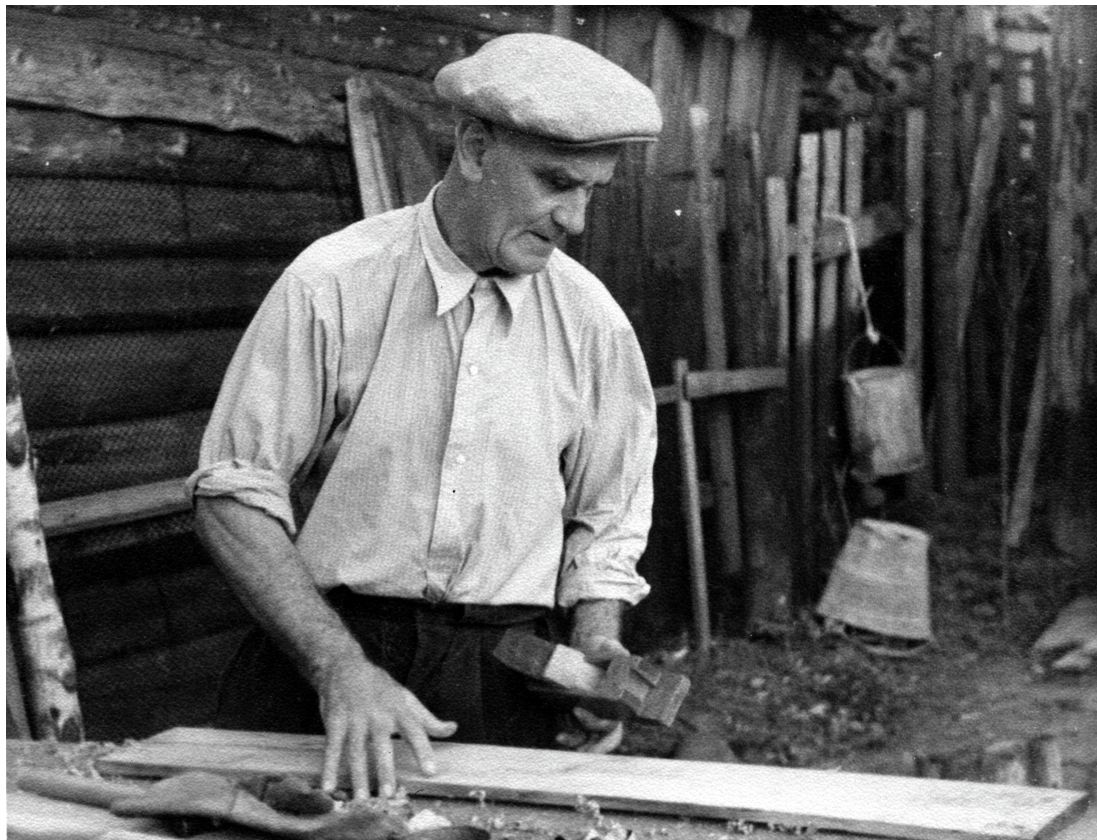
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1961

*Титульный лист
книги академика Ю.А. Орлова
с посвящением моему отцу — Н.А. Визжилину*

Тринадцатого июня 1993 года в доме Юрия Александровича на Ленинском проспекте отмечали его столетний юбилей. Собрались его дети — Сева, Рома, Наталка и Олег, мужья и жены детей, близкие родственники и друзья. Как

всегда, за столом была душевная, теплая, дружественная атмосфера. Наталия Павловна рассказала об отце Юрия Александровича, о том, какую роль он играл в становлении его личности, в его образовании, нравственном воспитании.

Выступили дети и друзья, рассказывали о своих встречах с Ю. А., вспоминали о его доброте, мужестве, принципиальности. Мой брат Коля произнес хорошую речь об академике

*Академик Ю.А. Орлов
у себя на даче в Зелиноградской*

Ю.А. Орлове, о его благотворном влиянии на всех, кто с ним встречался хотя бы раз.

Юрия Александровича отпевали в церкви Ризоположения недалеко от дома № 13 по Ленинскому проспекту, где он жил последние 20 лет. Потом была гражданская панихида в фойе дома культуры МГУ на Ленинских горах. Проститься с Юрием Александровичем пришли родственники и друзья, представители Академии наук СССР и ректората МГУ, преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты геологического и биологического факультетов, которым он отдал большую часть своей жизни и души. Панихиду вел вице-президент Академии наук СССР Н.Н. Семенов.

Звучала траурная музыка – на рояле играла замечательная пианистка Мария Юдина, хорошо знавшая Юрия Александровича, она пришла, чтобы отдать ему свой последний долг. Все выступавшие тепло говорили о Юрии Александровиче, провожая его в последний путь. Похоронили Юрия Александровича Орлова на Новодевичьем кладбище...

*Академик Ю.А. Орлов,
скульптор, А.А. Заварзин, М.И. Визжилина, Н.Б. Заварзина,
М.Р. Преображенская, Н.П. Орлова, Н.А. Визжилин
на даче Орловых в Зеленоградской.
1960-е годы*

Я счастлива, что в моей жизни был Юрий Александрович Орлов и очень хочу, чтобы мой сын и внуки хотя бы немного были похожи на него.

Жена Юрия Александровича, моя свекровь, Наталья Павловна Орлова (в девичестве Преображенская), дочь профессора и дореволюционного общественного деятеля, была поистине «второй» половинкой своего мужа.

Познакомилась я с ней года за два до замужества. Когда же вышла замуж за Олега, она сразу приняла меня в свою семью, хотя, мне кажется, вряд ли я отвечала ее представлениям о девушке, которую она хотела бы видеть женой сына – слишком сильно я отличалась от ее начитанных, воспитанных в традициях дореволюционной разночинной интеллигенции, сдержанных детей. Я же тогда была сплошной порыв, активная, смешливая. Но Наталья Павловна никогда не выказывала никаких неудовольствий в мой адрес, потому что была умным, интеллигентным, деликатным, образованным, терпимым человеком.

Она окончила географический факультет Петербургского университета, и некоторое время училась на биофаке, но его не закончила, т. к. было уже много семейных забот – шутка сказать, четверо детей! Она как-то сказала мне, вспоминая свои молодые годы, что хотела девочку, но была рада, когда родился первенец мальчик – Сева, спокойно отнеслась к рождению второго сына Ромы, и всплакнула, когда родился третий мальчик – Олег, очень хотела девочку. Зато когда родилась дочка Наталочка, радости не было предела.

В доме Наталии Павловне помогала домработница Маруся, которая практически стала членом семьи Орловых. Н. П. не только занималась детьми, но и с удовольствием работала в «аптекарском саду» вместе с Владимиром Владимировичем Сахаровым, генетиком, известным специалистом в области полиплоидии. Летом на даче в Зеленоградской ухаживала за цветами, много читала.

В Москве осенью и зимой Наталья Павловна постоянно посещала лекции по ботанике в МОИПе, где с ней однажды произошел забавный случай, о котором она, смеясь, нам рассказала. В тот день была очень нудная лекция, а Н. П., любившая читать и разбирать свои записки и разные письма по ночам, не выспалась. И вот в какой-то момент она заснула под монотонный голос лектора, да так крепко, что свалилась со стула, вызвав переполох в аудитории. Все подумали, что ей стало плохо и принялись предлагать лекарства,

спрашивать, не нужен ли врач, принесли воды. «А я, – рассказывала Наталия Павловна, – с трудом сдерживала смех...»

Наталия Павловна любила и хорошо знала классическую музыку, часто слушала ее дома в записях на пластинках, и радовалась, когда и мы проявляли к этому интерес. Думаю, что Наталочка стала музыкантом (виолончелисткой) благодаря влиянию Наталии Павловны.

Очень почтительно и бережно относилась Н. П. к своей матери – Марии Ростиславовне.

Несмотря на довольно неприятное заболевание (подагру), заставлявшую страдать от боли в ногах и ходить с помощью палки, Наталия Павловна не жаловалась, всегда была приветлива и спокойна.

Баба Тата, как называли ее внуки, а потом и все мы, любила внуков, читала им, понемногу учила французскому языку, с удовольствием отмечала их успехи.

Наталия Павловна всегда искренне радовалась встречам с моими родителями, часто летом приглашала их на дачу, где моя мама с удовольствием собирала с кустов черную и красную смородину. Обе они занимались лечением диатеза у Алеши, обе печалились по поводу нашего развода с Олегом.

Когда родился Алеша, Наталия Павловна прислала мне в роддом несколько удивительно приятных добрых писем и записок.

Из писем Наталии Павловны в роддом.

«20.01.59. Дорогая наша Ниночка, все время думаем о тебе и рады бы помочь...»

Знаю, что ты держишь себя молодцом, и желаю только, чтобы все это кончилось поскорее. Кто же это будет, кто же будет? Я лично рада любому».

«20.01.59. 17 час. 15 мин. Ну, Ниночка, поздравляем! Бесконечно рады вашей радости.

Растите его здоровым и счастливым! Ваша Н. О.»

21.01.59. «...Никто не думал, что ты справишься со всем так здорово! Скорее бы посмотреть на вас обоих. Думаю, что ты будешь очень хорошей матерью.

Все – бабушки, Маруся, Рома, Галя, Наталочка, Раиса Сергеевна, все Заварзины, не говоря про Ю. А., все очень за тебя рады и поздравляют тебя и Олега. Не перечисляю всех поздравлений от моих знакомых – позже.

Олег в свою роль еще не вошел, как мне кажется. Удовольствие нам еще предстоит, Ниночка!

Крепко, крепко целую. Твоя Н.О.

Вечер, дома».

«24.01.59. Ниночка, вот тебе цветы, которые происходят из Главного ботанического сада. Вчера мы с Ю.А. были там в гостях. К сожалению, подвяла уже зелень и не знаю, удастся ли ее заменить. Надеюсь, что они доставят тебе удовольствие. Ты отдай их своему врачу или акушерке. Я не знаю, чем их можно или нужно отблагодарить. Постоянно звоним друг другу с Марией Ивановной по телефону. Пожалуйста, не торопись и не думай насчет выхода. Все это от тебя не уйдет.

Спокойной ночи тебе и малышу. Целую вас обоих. Н. О.»

Наталия Павловна горевала, когда мы уехали из их дома на улицу Новаторов.

Из-за болезни ног к нам на улицу Новаторов она приезжала очень редко. Зато, начиная с 1968 по 1989 г, часто писала мне и Алеше письма, полные тепла и заботы. Естественно, я всегда отвечала, но мои письма, за исключением двух, не знаю как попавших ко мне, остались у нее.

Часть писем – открытки и много длинных посланий на нескольких страницах, в которых Наталия Павловна рассказывала, что происходит в семье, что поделяются и как развиваются внуки, какие книги она читает и что советует прочесть мне и т. д. У меня храниться больше 25-ти ее писем, обращенных ко мне, моим родителям и Алеше. Не могу удержаться, чтобы не привести часть из них. Они лучше всяких моих слов расскажут о том, каким прекрасным человеком и доброй свекровью была Наталия Павловна. Как горько сознавать, что в последние месяцы ее жизни я редко была у нее из-за всяких домашних и рабочих дел.

«1968 г. Дорогие Ниночка и Алеша! Скоро уже буду дома и о вашем житье-бытье узнаю. А пока хочу напомнить вам о себе этой картинкой, которая в свою очередь напоминает мне Валдай, а вам – Углич. Алёшенька, найди, где этот Себеж. Здесь очень много книг и карт и краеведческий музей – вот бы тебе было интересно. В букинистическом магазине кое-что тоже интересное для тебя.

Вернулась ли Зинаида Константиновна (учительница французского языка – *Н. О.*) Надо будет налаживать все зимние занятия, и неплохая английская книжка тебе тоже пригодится. Целую вас обоих, поклон старшим и Николаше. (Так она называла моего младшего брата. – *Н. О.*) Ваша Баба Тата».

«7.04.72. Милая Ниночка! Послала сегодня телеграмму всем вам и сегодня же получила твое письмо. Спасибо, дорогая, и за это и вообще за твои ласковые письма. Всегда ценю и дорожу ими. Как жаль, что в Москве всегда лишь благие намерения видеться чаще! На мою инициативу теперь рассчитывать трудно даже мне самой – желание есть, а дело стоит...

Привет Коле, твоим родителям. Тебя, Алешу целую. Твоя Н.»

13.05.72. Суббота. (Часть длинного письма – *Н. О.*)

Ниночка, дорогая, не представляю – как это могло случиться, что не поздравила тебя вовремя с днем рождения! Помню, конечно, очень хорошо, что это 11 мая.

Не делай, пожалуйста, из этого никаких «выводов». Люблю тебя всегда – и до праздника и после и мысленно с тобой очень часто...»

«29.12.74. Ниночка! Спасибо за поздравление. И я поздравляю тебя и всех домашних твоих. Желаю, чтобы Новый год был для вас годом мирным во всех смыслах, а успехи у всех ощутимыми. Твой «домик» напомнил мне Малинники (место в Калининской области, где мы с Лешей одно время жили. – *Н. О.*), а мне и дорогу, и, как всегда, «охоту к перемене мест». Еще раз за Малинники (настоящие) спасибо! Это было одно их лучших впечатлений года.

Целую крепко. Твоя Н. О.»

«29.08.76. воскресенье Дорогая моя Ниночка!

Хочу тебя поблагодарить за вчерашний вечер, за то, что, придя с Алешей и Колей, вы составили наш самый тесный домашний круг, в котором естественно было бы говорить о Ю.А.

Я этого не сделала и это мучает меня. Наталка говорит, что так просто и хорошо выходит у Марии Ивановны (у моей мамы. – *Н. О.*), неестественно может получиться у меня, может быть! И это тоже плохо.

Мало ли о чем думаешь – о датах, об утратах, о новых этапах – как в жизни наших студентов, но все хорошо делать вовремя...

Не сомневаюсь, что те, кто вчера был, о Ю. А. не забыли. И мне очень хочется, чтобы все те же собрались перед официальной годовщиной 10-летия [со дня его кончины].

Обнимаю и крепко целую, Николашу тоже. Твоя Н. П.»

«16.01.87. Ниночка, дорогая! С днем рождения Алеши!

С тобой связаться теперь совсем не просто. Как ты живешь, как себя чувствуешь? Какие радости? Слышали, что ты снова руководишь певческой «капеллой»? Кем да кем?

Наталка только что ездила в составе школы со своим учеником в Ригу, а в эту неделю у Ромы. Лежу, читаю, пишу. Как дела у Коли? Скоро буду дома, собираюсь к Марьяше, но темпы мои, подвижность – удручающие, но унывать не хочется. Если заглянуть некогда – вполне представляю, то звони!

Крепко целую. Баба Тата».

«3.05.87. Дорогая Ниночка!

С днем рожденья – круглой датой – поздравляем тебя я и Наталка.

Желаем тебе, прежде всего, здоровья, бодрости, неизменного пребывания «в деле», самом разном – по душе, и поменьше в делах тягостных, в меру сил и возможностей. Со внуками, с друзьями, учениками вообще близкими – исполнения желаний духовных и материальных. В общем – благополучия и радости. И чистого неба. Крепко целуем. Твои Н. О. и Наталка».

«12.12.87. Бабушку Нину, Дашеньку и Гриню поздравляю с Новым годом.

Будьте здоровы, веселы и почаще к бабушке Тате приходите!

Мне очень хочется знать, с чем придет к вам Дед Мороз, и уже торопится прийти боярышня «8 марта». У нее тоже что-то заготовлено в этой коробочке (см. на обороте)! А может быть ложка, что у нее в другой руке? Ждите ее.

Жду всех и я. Крепко целую. Ваша бабушка Тата».

«19.12.87. Ниночка, дорогая, поздравляю тебя вместе с младшими, т. к. слышала, что твои старшие будут у нас. Следовательно, с детьми ты.

Желаю вам хорошо провести этот вечер, а тебе встретить Новый год с легкой душой. Вообще на весь год – здоровья, душевного покоя, удач больших и малых, а забот – поменьше. (Также и работы – в меру!)

Крепко тебя целую. Твоя Н. П.»

Передай мои новогодние пожелания благополучия и радостей Алеше и Тане, если почему-либо не встретимся.

В день рождения Наталии Павловны 28 августа, на Зеленоградскую съезжались ее дети, внуки, родственники и друзья. Все усаживались за большой стол на террасе, веселились, шутили, немного выпивали и дарили Н. П. подарки. Это был всегда приятный день.

Наталия Павловна никогда не вмешивалась в наши с Олегом отношения. Лишь когда мы решили развестись, она очень деликатно убеждала меня этого не делать.

Я прожила вместе с Юрием Александровичем и Наталией Павловной в доме 13 по Ленинскому проспекту 6 лет, с 1958 по 1964 год, до момента переезда на улицу Новаторов и всегда чувствовала их доброе отношение. И после переезда, всегда встречала теплый дружеский прием, когда приезжала с Лешей или одна к ним в дом, они интересовались моими делами, помогали во всем.

Последний раз я была у Наталии Павловны перед очередной поездкой в США к Алеше, мы долго разговаривали о детях и внуках, еще надеялись, что они вернуться.

5 апреля 1999 года Наталии Павловны не стало. Она не дожила несколько месяцев до своего 99-летия.

Наташа

Наташа – единственная дочка Юрия Александровича и Наталии Павловны была, несомненно, любимицей родителей, бабушки Марии Ростиславны и братьев. Красивая девочка с милой улыбкой, черными густыми волосами, очень воспитанная. Она стала музыкантом – виолончелисткой. Помню, что не без успеха играла в струнном оркестре Маркиза (?). Довольно рано вышла замуж за Егора Заварзина,

выпускника нашего факультета, способного, умного, весьма ироничного парня, который быстро сделал блестящую научную карьеру.

Родители Егора – отец, архитектор Заварзин и мать Нина Борисовна, были дружны с семьей Орловых. У Наталочки родилась дочь, Лиза, которая впоследствии поступила на наш Биофак и успешно закончила кафедру зоологии беспозвоночных. Все было как будто хорошо, но довольно скоро, не знаю почему, брак распался, хотя сохранились хорошие отношения между Наталкой и Егором. Егор снова женился, у него в новой семье две дочери.

Наталочка тоже вышла замуж за приятеля Олега, выпускника кафедры зоологии позвоночных, который был значительно старше Наташи, Юрия Дмитриевича Чугунова и уехала с ним на Дальний Восток, где прожила 10 лет. Сначала там ей было довольно трудно – на Наталку свалились все домашние и бытовые дела, Ю. Д пропал на работе. Потом она стала работать, учила детей музыке и много выступала с концертами и на радио.

Сейчас Наталочка профессор Гнесинского музыкального училища, очень много и интенсивно работает, у нее много учеников, она ездит с ними на конкурсы, где они успешно выступают. По-прежнему с симпатией и вниманием относится ко мне, Алеше и его семье; с нежностью – к моему брату Коле. Теперь чаще всего мы встречаемся у Олега с Машей, иногда звоним друг другу. Связь ослабла, но чувство взаимной симпатии осталось.

У меня хранится много писем Наталки из Владивостока. Вот часть из них.

Письма Наталочки

«12 февраля 1972 года.

Дорогая Ниночка! Сто лет не писала тебе, все некогда, как и в Москве. Со временем дел прибавляется, а в сутках все те же 24 часа...

У меня тут такая бурная концертная деятельность, заниматься не успеваю, а еще все есть хотят, и стирать надо, и Лиза вдруг выросла из всех одежд...

Вчера возникла уникальная возможность: мне дали 35 минут на телевидении (сольный концерт), которые я хочу

использовать для музыкально-информационной передачи под девизом «Что такое виолончель».

Теперь оставшиеся дни до 2 марта будут совсем уж сумасшедшими, тем более, что и коллеги по вновь образовавшемуся квартету, и вернувшиеся после каникул студенты, и программа концерта «Вечера камерной музыки» требуют занятий с полной отдачей... Но зато интересно – так интересно быть нужным со всеми своими недостатками и недостаточными знаниями и умением.

Как странно складывается жизнь: ничего подобного я не могла себе представить, живя в Москве!

Ю. Д. «вкалывает» в ин-те на всех фронтах – и научном, и педагогическом, и общественном, и хозяйственном. В последние дни прибавилась организация громадной экспедиции по Туркмении, Закавказью и Карпатам, я умираю от зависти!

Нинуша, напиши о себе немного. Я совсем уже ничего не знаю. Почти каждый день вспоминаю вас с Колей по утрам. Напиши, когда вы уедите в свое «поместье». Уж очень я соскучилась по своим родственникам и друзьям!»

От Ю. Д. всем привет. Крепко тебя целую. Твоя Наташа».

«29.12.77. Ниночка, дорогой любимый друг!

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом, желаю возможно дольше оставаться такой, какая ты есть и была, – какой все мы тебя знаем и любим.

Пусть взрослый ребенок тебя радует и служит дополнительным стимулом к сохранению бодрости и здоровья. Крепко тебя обнимаю. Твоя Наталочка».

«5 марта 78 г. Опять Вл-к!!!. Ниночка, дорогая, с праздником!

Часто думаю о тебе, хочется видеть тебя счастливой или, хотя бы, спокойной... Какая трудная штука – жизнь, даже для таких сильных людей, как ты! С большим уважением и нежностью обнимаю тебя, привет Алешке!

Твоя Наталка».

«8.10.78. Ниночка, только вчера узнала, что ты до последнего времени была в Москве. Я-то считала, что ты уже в Болгарии. Рада за тебя, уверена, что новые впечатления от хорошей страны и милых людей будут долго поддерживать и согревать... Я тебя вполне понимаю, воспринимая как

близкого дорогого мне человека. Никаких обид, недомолвок никогда не омрачало моих мыслей о тебе. Чем дальше во времени уходим мы от счастливых дней юности, тем дороже старые друзья и драгоценные воспоминания. Я знаю, как глубоко, преданно ты способна любить, преклоняюсь перед такой цельностью и силой твоего характера. Каковы бы ни были наши дети, с их бедами, радостями, они тоже – часть «оной» жизни. Поэтому мне больно видеть их пороки. Но они уже взрослые. И они, хотя и составляют главную часть жизни, но остается еще что-то, и это «что-то» для меня, увы, только прошлое. В нем ты была частью моей жизни, в реальность которой теперь трудно поверить, но часто такой значительной, что я не могу ни забыть, ни разлюбить тебя, как самую эту жизнь. Вот и все. Твоя Наталка».

«Дорогая Нина! Поздравляю тебя с Новым, 1988, годом. Желая, чтобы пресловутый Дракон был милостив к тебе и твоим близким... Как всегда, в канун торжества, перебирая в уме «самых, самых» обращаюсь к семье Визжилиных, Николаю Алексеевичу, Марии Ивановне, тебе, Николаше... Хочется найти душевный покой в здравствующих «молодых» представителях семей. Хочется видеть их здоровыми, счастливыми и ... щедрыми. Иногда думаю, что в прожитой части жизни досталось так много душевной сердечной щедрости от ушедших стариков, что это было дано на всю жизнь авансом, а теперь настало время платить и давать другим... Будем же радоваться тому, что имеем. Пускай бы подольше было, как есть, а не хуже! Крепко, крепко обнимаю. Наталка».

* * *

Сева – старший сын Юрия Александровича и Натальи Павловны. Окончил мехмат МГУ. С ним я познакомилась после того, как вышла замуж за Олега.

Сева был человек цельный, умный, независимый, иногда резкий, любитель путешествий, велосипедных прогулок, причем все делал по максимуму. Он стремился своих детей – Мишу и Юру – приобщить к спорту, научить делать любую мужскую работу. Воспитатель он был строгий. Помню, как однажды на даче в Зеленоградской, когда вся семья собралась за столом, кто-то протянул Мише, которому тогда было лет пять, какой-то кулечек со сладостями. Мишка

просиял: «Это мне!» Сева спокойно отобрал этот «презент» и сказал: «Это не только тебе, это всем». Миша заплакал, но, думаю, навсегда запомнил этот урок.

А Мишка, пожалуй, мой самый любимый племянник, был в детстве очень медлительный, тихий спокойный мальчик, его я однажды везла на дачу. На вокзале спросила, не хочет ли он мороженого. Ответ был положительный. А дальше началось нечто неожиданное – этот стаканчик мороженого Мишка ел в электричке почти до самой Зеленоградской, мороженое стало таять, капать на одежду и на пол, но быстрее он есть не мог.

Взрослый Миша окончил Географический факультет МГУ, женился, у него растет сын Андрюша, поющий в хоре мальчиков, в составе которого он ездил с гастролями по стране и был за границей, в частности, в Америке. Жена Миши, Наташа, изготавливает очень изящные поделки из сухих цветов и разных растительных материалов. Миша каждый год ездит на несколько месяцев на Север, где работает метеорологом, а зимой работает, где придется, занимается переводами, садовым дизайном

Второй сын – Юра – окончил физфак МГУ, где успешно выступал в агитбригаде. Теперь он с женой Леной и сыном Васей живет и работает в США.

Сева долгое время пел в университетском хоре. Ежегодно хор выступал у памятника А.С. Пушкину в день рождения поэта, а потом все шли к Севе домой. Его семья тогда жила на ул. Горького, напротив Моссовета.

Жена Севы, Люся, или как мы ее называли, Люкенция, человек спокойный, доброжелательный, была «половинкой» Севы, почти всегда его поддерживала.

Несмотря на непростой характер Севы, на его внешнюю суровость и недоступность, мне было довольно легко с ним общаться.

Сева не щадил себя в работе и путешествиях. Даже когда серьезно заболел, продолжал ездить некоторое время на работу, пока окончательно не слег. Он скончался в 2001 году и похоронен на Котляковском кладбище.

Роман – средний сын Орловых – был, на мой взгляд, самым добрым, приветливым и общительным среди братьев. С ним легко было разговаривать, он умел внимательно слушать и сочувствовать. Наверное, не случайно Рома – один из основателей «коммуны» и один из самых любимых и

уважаемых ее членов. «Коммуна» была организована во время учебы Ромы на Геологическом факультете МГУ. Это была дружная веселая компания единомышленников, каждый из членов которой был уверен, что в тяжелую минуту жизни он получит понимание и поддержку своих товарищей. Они вместе ходили в походы, катались на лыжах, справляли дни рождения и т. п.

*Роман Юрьевич Орлов, средний сын Юрия Александровича,
и его жена Галя*

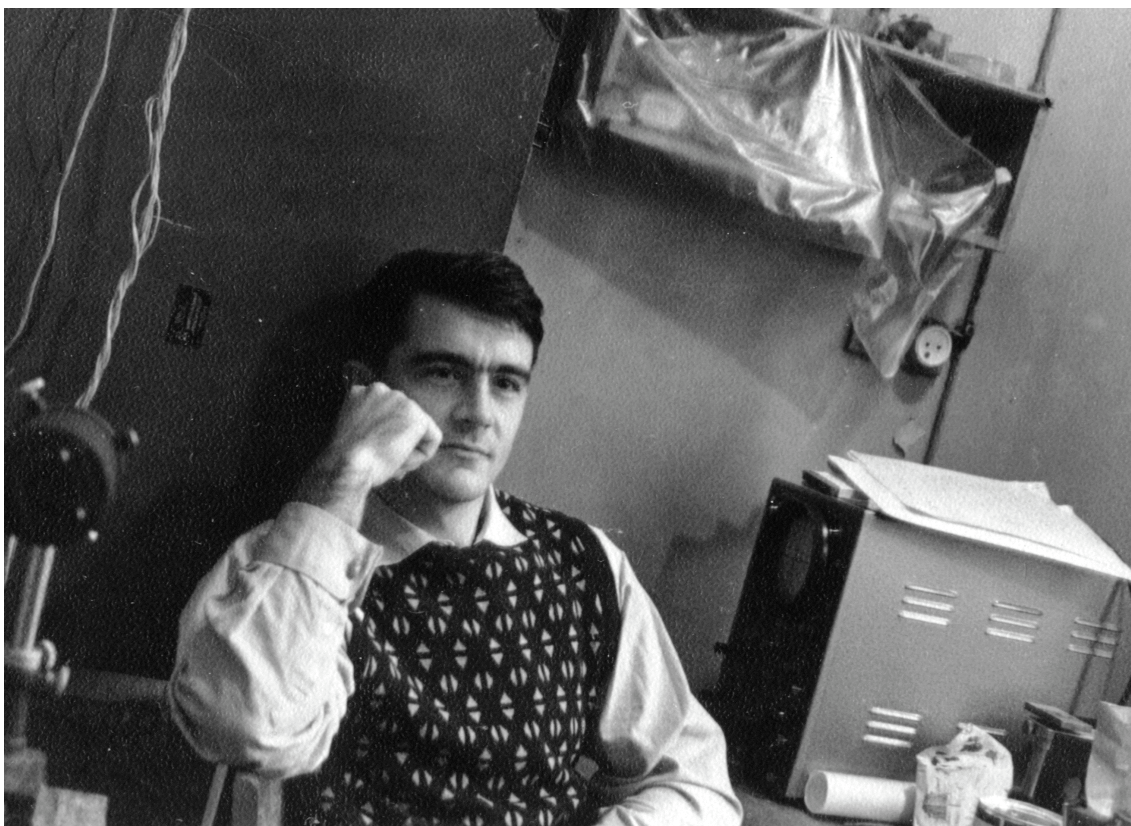
У Ромы и его жены, Гали Ушатинской, тоже члена коммуны, верного его друга, родилось двое детей – Настя и Никита. Не удивительно, что именно у Ромы и Гали, чья семья жила в мире и согласии, больше всего потомков: двое детей, пять внуков и даже один правнук!

Грустно думать о том, что Ромы уже нет... На похоронах Ромы я не была – в это время находилась у Алеши, приехала к сороковому дню, где было много Роминых друзей, его Галя, дети и внуки. Все тепло и горестно говорили о Роме. В этот день я впервые увидела маленького сына Никиты, Ванечку, внука Ромы. Очень ласковый доверчивый мальчик.

Он сидел у меня на руках, когда я сказала: «До чего же ты, Ванечка, похож на папу!» «Еще бы,— ответил он,— посмотри, какие у меня уши» и пальчиками оттопырил свои ушки.

Олег – младший сын Орловых.

(На этом рукопись Нины Николаевны прерывается, дописать эту главу она не успела. – *Редакционный коллектив*).

*Олег Юрьевич Орлов –
младший сын Юрия Александровича*

Школа с особым режимом

Весной 1956 года нас распределяли на работу. Тогда это была обычная система, которая не всем нравилась, т. к. направляли нас на работу в основном в школы, в систему Министерства сельского хозяйства и на противочумные станции (зоологов), лишь единицы поступали в аспирантуру или в институты старшими лаборантами. Каждый обязан был отработать по месту распределения два года. Только теперь, когда видишь, как трудно устраиваться выпускникам на работу, можно оценить, насколько неплохо это было – ведь за эти два года можно было найти себе работу по душе или подготовиться для поступления в аспирантуру.

Меня направили в распоряжение Министерства сельского хозяйства, т. к. я хотела работать на селекционной станции. После защиты диплома и сдачи госэкзаменов пошла в это министерство, чтобы получить путёвку на работу. Однако, к моему удивлению, произошёл странный разговор с чиновником: «Вы москвичка?» – спросил он. – «Да» – ответила я. «Значит, Вам не хочется уезжать из Москвы». Удивившись такому заключению, я сказала, что хочу уехать на селекционную станцию в Сибирь. «Ну, ближе Дальнего Востока у нас рабочих мест нет, зайдите дней через 7–10».

Я периодически заходила, и всё повторялось, как в первый раз. В конце концов, я согласилась ехать на Дальний Восток, но получила отказ, т. к. сказали, что место уже занято... По закону Министерство, приславшее на факультет заявку, было обязано меня трудоустроить, но, видимо, места не было или его отдали кому-то другому.

Тогда мы с Олегом, с которым тогда были дружны, взяв напрокат машину, съездили на несколько селекционных станций в средней полосе России. Но и там я получила отказ, при этом с горечью поняла, что мне отказывают, полагая, что я, маленькая худенькая девочка, вряд ли смогу работать в полевых условиях. Было обидно. Кончался август, все мои однокурсники уже работали, а я сидела дома... Тогда я

отправилась в школы – сначала в свою, где училась и где меня хорошо знали, потом в ту, где проходила педпрактику (за неё получила пятёрку). Но было уже 3-е или 4-е сентября и вакансии преподавателей-биологов уже заняты.

Именно в это время мальчишки нашего курса собрались на «мальчишник», где каждый рассказал о своей работе. Олег, который был на этом сборище, приехал ко мне и сказал, что есть место в школе с особым режимом для трудновоспитуемых мальчиков, о чем ему сообщил наш однокурсник, почвовед Юлий Гельцер. «Мне нужен парень покрепче и посильней для преподавания биологии в 7-м и 8-м классах» – сказал он. «А маленькая девочка тебе не подойдет?» – спросил Олег. Юлий удивился, но, узнав, что речь идет обо мне, сказал, что, наверное, подойдет. Он знал меня по учёбе и комсомольской работе на курсе и факультете.

И вот я отправилась на другой конец города – с Кутузовского проспекта на развилку Варшавского и Каширского шоссе – в школу № 544 Москворецкого района Москвы, директором которой был брат Юлия – Эдуард Георгиевич Костяшкин. Школа стояла на краю большой стройки. Первое, что удивило меня, была запертая в школу дверь, потом запертая дверь раздевалки.

Нашла Юлия, он показал мне кабинет биологии, где было множество хороших учебных пособий – чучела и скелеты, скальпели и пинцеты, плакаты и т. п., хранившиеся в шкафах и на полках в маленькой комнате учителя, расположенной перед кабинетом. За кабинетом – голубятня. Потом повёл меня в кабинет директора. В нём были два стола, поставленные буквой «Т», стулья и большой диван, на краешек которого я и приземлилась. «Держись понахальней!» – напутствовал меня Юлька. Не успела я удивиться, как дверь отворилась, и в кабинет вошёл высокий сильный человек с волевым лицом и выдающимся вперед подбородком. Это и был Эдуард Георгиевич. Юлька представил меня ему, а он, наставив на меня палец, насмешливо сказал: «Это Вы хотите у нас преподавать?!» – Я кивнула. – «Ну что ж, если вас в первые три дня не выбросят из окна, можете оставаться». Такое заявление меня просто взбесило – опять та же история – мой непредставительный вид... Решила, что во что бы то ни стало буду здесь работать... Эдуард Григорьевич предложил мне сначала

какое-то время походить по урокам, посмотреть, что за ребята здесь учатся и как с ними управляются учителя. Юлий был несколько озадачен и, когда мы вышли из кабинета, рассказал, что передо мной работала пожилая учительница, которая буквально убежала из школы, увидев, повернувшись от доски, что практически весь класс нацелился на неё стальными пёрышками, как из лука.

М.П. ШКОЛА	В ГОРОДСКОМ ОТДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОТДЕЛ КАДРОВ
21 сентября 1986 г	544 школа с особым режимом просит направить к нам преподавателем биологии ВИСНИЦИНУ Н.Н. окончив- шую в этом году МГУ.
Адрес: В-240, д. 10, м. Киевское шоссе, 10-й кв. телефон В-233-87	тов. ВИСНИЦИНА в настоящее время работает в нашей школе и показала себя вполне подходящей кан- дидатурой для работы в школе с особым режимом.
ДИРЕКТОР:	<i>/Костяшкин/</i>

***Письмо-запрос директора школы с особым режимом
Э.Г. Костяшкина о моем направлении в эту школу***

Приехав домой, рассказала маме о своем походе в школу. Мама пришла в ужас. «На каком этаже биологический кабинет?»,— спросила она и, узнав, что на пятом, сказала — «Немедленно уходи!»

Ну, уж НЕТ!

И началась моя деятельность в школе, куда отправляли мальчишек — хулиганов, драчунов, воришек, исключенных из всех школ Москворецкого района. Вначале в школе были 4-е—8-е классы, при мне появились 9-е и 10-е классы.

Я стала ходить по урокам. На переменах, проходя по коридорам, слышала, как мальчишки за моей спиной обсуждали причёску, одежду, а также ноги и прочие части моей фигуры. Было жутковато.

На многих уроках всё было как в обычных школах, на некоторых – железная дисциплина, например на уроках завуча, Татьяны Борисовны. Но было и другое.

Однажды пришла на урок истории, которую преподавал молодой выпускник, кажется, Университета. В классе царил бедлам – все бегали, орали, дрались. Прозвенел звонок, в класс вошёл учитель с журналом и указкой в руках, но это не произвело на ребят никакого впечатления – всё тот же «ор» и беготня. Более того, один из учеников вскочил на учительский стол и отбил чечётку. Я с ужасом ждала, что же будет. Учитель, постояв минутку, вышел за дверь, потом быстро вбежал и запрыгнул на подоконник. Мгновенно все замолчали, а он, спрыгнув с подоконника, спокойно сказал: «А теперь начнём урок».

И вот наступило 13 сентября. Я, как обычно, утром пришла в школу, чтобы посетить некоторые уроки. Вдруг бежит Юлька и говорит, что я должна вести урок в 7-м классе, потому что произошла какая-то ошибка в расписании, и у него на этот час оказалось два разных урока – ботаника (6 класс) и зоология (7 класс). «Как же вести урок, я же не готовилась!» – возопила я. Однако делать нечего, придётся идти на урок, тем более что я и должна была вести уроки в 7-х классах. Узнав у Юлия тему урока – «кишечнополостные», стала лихорадочно вспоминать о них. Но ничего путного не вспоминалось, кроме того, что медузу можно размельчить, а она снова регенерирует. С этим я и пошла на урок на 5-й этаж, к кабинету. Стою, жду, слышу топот и крик – «дети» идут на урок. Увидев меня вместо Юльки, они удивились и замолкли, вошли в кабинет, сели. Я представилась, как их новая учительница, и попросила повторить домашнее задание. В этой школе уроки готовились после занятий, а в начале урока давалось 7–10 минут на повторение.

За эти минуты я быстро пролистала две страницы учебника, посвященные кишечнополостным, кое-что вспомнила из курса зоологии беспозвоночных, и урок начался. Он прошёл спокойно и тихо. Ребята, не зная о смене учителя, никакой гадости мне не приготовили. И пошла школьная жизнь.

Примерно месяц редкий день я не плакала, запершись в кабинете. Дело в том, что ребята как бы просто не замечали меня за огромным столом. Все уроки мне приходилось стоять, потому что, когда я садилась на стул, над столом

была видна только моя голова... Потом директор, посетивший один из моих уроков и вдоволь посмеявшись над моей бедой, выдал мне высокий табурет. Ребята не хамили мне, но спокойно разговаривали между собой, иногда ходили по кабинету, и однажды один из них громко послал кого-то из одноклассников на три буквы. Я взорвалась: «Лопата (это фамилия, имя – Валера), как ты смеешь!?» Он очень удивился и произнёс – «Я ж не Вам!»

Надо ли говорить, что это было тяжёлое для меня время. Поняла, что если не возьму верх над этой шпаной, в школе мне не быть и размышляла над тем, что следует делать. Даже ездила к своей любимой учительнице, нашему классному руководителю Людмиле Александровне Кондратьевой за советом. Однако поняла, что решать и делать что-то надо самой, главное – надо ребят заинтересовать.

И стала очень тщательно готовиться к урокам, конечно, не по школьному учебнику, а по университетскому, привлекала разную увлекательную литературу – Брема, Сеттона Томпсона, Чаплину, Джека Лондона и т. п. Обычно после опроса и объяснения нового материала, если оставалось несколько минут, я либо читала, либо рассказывала что-то из жизни животных... И всё встало на свои места – ребята с удовольствием ходили на мои уроки, внимательно слушали, и всякая буза прекратилась. Однако всякое бывало.

Отношения сложились хорошие настолько, что я могла спокойно оставить кошелек с деньгами на столе в кабинете, уверенная, что никто его не тронет. Весной в один из седьмых классов пришел новичок. Прошел урок, собралась пойти в буфет и не нашла на столе кошелька... Спросила ребят, не видел ли кто-нибудь его. Все ответили, что не видели. После уроков ребята собрались в вестибюле школы, построились в шеренгу и стали обсуждать пропажу. Не знаю как, но быстро вычислили, что кошелек взял новый парень, за что ребята хотели его побить, но я и воспитатель, присутствовавшие на этой линейке, вмешались, бить не позволили, парень лишь получил по шее. Кошелек был найден.

Во второй половине декабря на урок анатомии явился парень – **Женя Аверочкин**, впервые за первое полугодие (!). Урок прошёл как обычно, я попросила ребят поскорее освободить кабинет, т. к. была небольшая пятиминутная

перемена, и надо было сменить разные пособия – скелет и таблицы по анатомии на чучела и пр. для урока по зоологии. Ребята быстро ушли, а «новенький» остался и стал бегать по кабинету. Дважды спокойно попросила его уйти, на что он внимания не обратил, в третий раз резко повысила голос, попросту заорала: «Убирайся, ты мне мешаешь!» В ответ на это Женя остановился, подошёл ко мне вплотную и произнёс: «А что ТЫ на меня орёшь?» И тут я сорвалась – никто из ребят ни разу не назвал меня на «ты» – дотянулась до его наглой физиономии и смазала ладонью по щеке (он был, по крайней мере, на полголовы выше меня). Реакция была для меня удивительная – он опешил, тихо повернулся и ушёл из кабинета. Как после этого я провела урок, не знаю – щёки горели, в голове кавардак, на сердце ужас... Когда окончился урок, и я вышла из кабинета, ко мне подошёл воспитатель (была такая должность в школе – он следил за тем, чтобы ребята на перемене не курили и не дрались в коридоре и в туалете и т. п.) и спросил, что со мной, вид у меня, по-видимому, был странный. Я сказала, что ударила по лицу ученика, что, видимо, придется уходить из школы. Выяснив, кого я ударила, спокойно сказал: «Давно пора». Утешил.

На следующий день Аверочкин несколько раз подходил ко мне и с удовольствием произносил одну и ту же фразу – «Как вы меня уломали, Нина Николаевна!» Я готова была провалиться сквозь землю, было стыдно. С этого дня Женя стал ходить на все уроки и очень меня «зауважал».

Через несколько дней классный руководитель класса, где учился Женя, попросил у меня разрешения провести классный час по итогам полугодия в кабинете биологии. И я, сидя в своей комнатке, слышала и ужасалась тому, как проходил этот час – ребята громко переговаривались, ругались, иногда матом, учитель делал замечания, просил не ругаться, но всё было бесполезно.

А еще через некоторое время, в конце декабря, меня вызвал директор и предложил мне классное руководство в этом классе. Я стала отказываться, говоря, что не справлюсь, но он настоял и вскоре издал приказ о моём назначении с третьей четверти в 8 «А» класс.

Начались зимние каникулы, и я вместе с учителем литературы Марком Александровичем Львовым и несколькими ребятами отправилась в лыжный поход от Переславля Залесского до Загорска. Надо сказать, что на

лыжах и на коньках я ходила плохо, вообще была абсолютно неспортивным человеком. Кроме того, мне пришлось отдать свои лыжные ботинки одному из ребят, который вообще пришел в кедах, и идти в каких-то ботинках, взятых с собой для смены на отдыхе. Понятно, что для меня этот поход был серьезным испытанием. Я не говорю о том, что все время плелась в конце отряда, сопровождаемая двумя самыми сильными ребятами, и даже однажды, когда в метель мы заблудились, умудрилась упасть в обморок. Это случилось на пороге школы, до которой мы, наконец, дошли. Ребята втащили меня в дом и поместили на печку, и я сквозь сон, который навалился на меня после обморока, слышала, как мальчишки говорили друг другу: « Тише, Нинушка спит». Это было очень трогательно.

После каникул я пришла в 8 «А» уже классным руководителем. Согласно школьному порядку, ребята по очереди дежурили после уроков в классе – мыли пол, вытирали парты и доску, подбирали мусор. Естественно, дежурные назначались по алфавиту, и также естественно, первым должен был дежурить Аверочкин. Когда объявила об этом, он сказал, что никогда не дежурил и не собирается это делать. Я понимала, что если не смогу заставить его убираться, то это даст повод другим ребятам делать то же. Закончив приготовление домашних заданий, все ребята ушли домой. И вот потянулось время. Проходит 30, 40 минут, час. Женька где-то носится, иногда заглядывая в класс. На подходе второго часа я в очередной раз спросила его, когда же он начнёт убирать класс, а он ответил, что делать этого не умеет. Я сказала, что научу его, взяла ведро и тряпку. Он удивился и тут же, забрав у меня ведро и тряпку, быстро и хорошо всё сделал. Уф!

Позднее, когда я стала ходить по домам ребят своего класса и знакомиться с условиями их жизни, с их родителями, узнала, что отец Жени почти всю войну пробыл в фашистском концлагере. Женька в войну практически бродяжничал, в школу ходил редко, часто не ночевал дома, т. к. его мать работала на фабрике, дома бывала мало и времени на воспитание детей (их у неё было двое – Женя и его младшая сестрёнка) у неё практически не было. Отец, придя с войны, решил воспитывать сына и делал это так – порол его солдатским ремнём... Словом, удивляться тому, что Женька рос хулиганом, не приходилось.

Я часто разговаривала с ним на разные темы, он приезжал ко мне домой и на дачу, мы подружились, и он как-то сказал мне, что никто, кроме меня, не обращался с ним по человечески (в том числе и пощёчина справедлива – за хамство, ему было удивительно, что такая маленькая, достаточно хилая женщина ударила его, Ж. А., известного хулигана, которого тогда собирались исключить из школы и направлять в колонию. «Будь на Вашем месте учитель мужчина», – сказал Женька, я бы его избил».) Была и влюблённость, он изо всех сил старался быть хорошим, не пропускал школьных занятий, готовился к урокам даже дома, о чём с испугом (!) сказала, прибежав однажды в школу, его мать. Но закончилась история с Женей плохо, он ушёл из 9 класса, несмотря на мои уговоры и доводы, сказал, что не может видеть, как я страдаю, когда он получает двойки, а учиться хорошо уже не в состоянии – сильно отстал. Уйдя из школы, снова стал водиться с какой-то шпаной и однажды подрался, ранил какого-то парня перочинным ножиком, который я ему подарила после летнего похода (!), и угодил в колонию для малолетних преступников. Была я на суде, страдала и мучилась из-за ножика, очень жалела Женьку. Потом несколько раз писала ему в Икшу, где была колония.

Из колонии я получила от него несколько писем. В них Женя писал о режиме дня, об учебе и работе на производстве, где учится на токаря, сообщал, что за первую четверть не получил ни одной двойки, рассказывал о домашних делах, о которых ему сообщала мама. В частности, написал, что наладились отношения между родителями, и о хорошей учебе сестренки. Сожалел о содеянном – «Ну о том, что натворил, и говорить нечего. Сам виноват, и теперь приходится расплачиваться. В следующий раз буду разбираться, что можно делать, а что нельзя». Одним из писем сообщил, что ему хотят сократить срок наказания на 6 месяцев, что по освобождении постарается закончить 10-й класс. Благодарил за мои письма. После колонии он приезжал ко мне, грустно говорил, что жизнь испорчена, что хорошим ребятам-сверстникам родители не разрешают общаться с ним, бандитом. В июне 1962 года Женю призвали в армию, он служил в Магадане в ракетных войсках, писал мне и оттуда, рассказывал немного о службе, чем занимается в свободное от службы время, о своей девушке Оле. Письма

были спокойные, почерк стал более четкий, хотя чувствовалось, что он скучает по близким людям и Москве.

Но после армии я его потеряла – переехала с Ленинского проспекта, телефона у меня не было, его адреса я уже не знала.

Не знаю, какова его судьба и где он теперь. Такая грустная история.

Из армии мне писали и другие ребята – Дима Зотов, Володя Коновалов и Юра Толстой. Все письма мальчишек до сих пор храню. Иногда возникает мысль обратиться в телепередачу «Жди меня» и собрать этих ребят, однако, не уверена, что хватит на это сил.

Часто на уроке давалось задание зарисовать какое-нибудь животное или схему.

Идёт урок в 7-м классе. После рассказа о червях прошу нарисовать дождевого червя. Во время рисования разрешалось тихонько разговаривать, и вдруг в кабинете повисает необычайная тишина. Сидя за столом, вижу, как по рядам передаётся какой-то листок, я насторожилась и не зря: с переднего стола, гнусно улыбаясь, поднимается парень, передаёт мне листок и говорит: «Нина Николаевна, посмотрите, как здорово у нас рисует Борунов!» Беру листок, разворачиваю и вижу вместо дождевого червя мужской половой член, нарисованный в деталях! Кровь ударила в голову, первое желание – взять чернильницу и швырнуть её в ребят. Поднимаю голову и вижу 20 пар устремленных на меня с интересом, издёвкой и насмешкой глаз. И тут я спокойно сложила листок и сказала, обратившись к длинному парню, сидевшему на задней парте: «Борунов, зайди ко мне в конце года, я покажу тебе, каким ты был дураком», и стала что-то рассматривать в классном журнале. Класс ахнул – они ждали другой реакции – крика, вызова директора и т. п.

Очень боялась темы «Половое размножение». Пока изучали простейших, этот вопрос не возникал – делятся себе и делятся. Он возник на рыбах. Рассказываю, как происходит размножение – самка плавёт, мечет икру, за ней самец выпускает молоки, и оплодотворение осуществляется в воде. Голос из класса – «А как это происходит?», объясняю ещё раз и снова тот же вопрос: «Как?» Объясняю в третий раз, рисуя рыбок на доске. И вдруг громко кто-то из ребят произносит: «Дурак, ты что, не знаешь сам – КАК!?!», резко поворачиваюсь от доски и произношу: «А вот и не так, у рыб

оплодотворение внешнее и происходит в воде». Это было здорово! Мальчишки поняли, что знаю, и больше такого вопроса не задавали не только в этом, но и в других классах, даже когда изучали размножение у млекопитающих и человека – сработал беспроволочный телеграф.

Довольно часто ко мне на урок директор приводил учителей биологии из других школ – для них это было «повышение квалификации». На уроке по теме «птицы» на столе стояла клетка с живым голубем, благо была своя голубятня. Рассказываю, и вдруг голубь вылетает из клетки и начинает кружить по классу.

Ситуация прямо скажем, нестандартная, учителя с интересом ждут, что же будет. А ничего и не было – ребята спокойно посмотрели на голубя, никто и не подумал вскакивать или кричать, сидели и слушали объяснение. Потом на разборе урока говорили об интересном опыте и отличной дисциплине. А я так и не смогла узнать, кто из ребят открыл клетку, и знали ли об этом все остальные.

Иногда возила учеников в зоопарк. Прочитала книгу Чаплиной о нашем Московском зоопарке, съездила туда и наметила маршрут экскурсии к тем животным, о которых наиболее интересно рассказала Чаплина. Это происходило весной.

Вокруг школы в это время активно шла стройка, и было полно больших луж, заполненных жидкой грязью. Ребятам не хотелось обходить стройку, и они предложили пройти через неё. Я сомневалась, говоря, что слишком много грязи и нам не пройти. Вдруг один из мальчишек (это был Валера Лопата) выбежал с широкой доской в руках, и не успела я слова сказать, как он бросил её передо мной. Вихрь грязных глиняных брызг окатил меня с ног до головы.

А следует сказать, что в этот день я пришла в школу в новом светлом пальто, которым очень гордилась, – ведь не каждый день тебе шьют пальто из новой ткани, а не перешивают старые мамины вещи. Посмотрела на пальто и на мальчишек, увидела неподдельный ужас и огорчение на их лицах – настоящая немая сцена из Гоголевского «Ревизора». И засмеялась. Все вздохнули с явным облегчением, мы обошли стройку и поехали в зоопарк, и всю дорогу Валера пытался счистить грязь с моего пальто.

Весной некоторые уроки проводила в Зюзинском лесу, предварительно съездив туда несколько раз с книгой

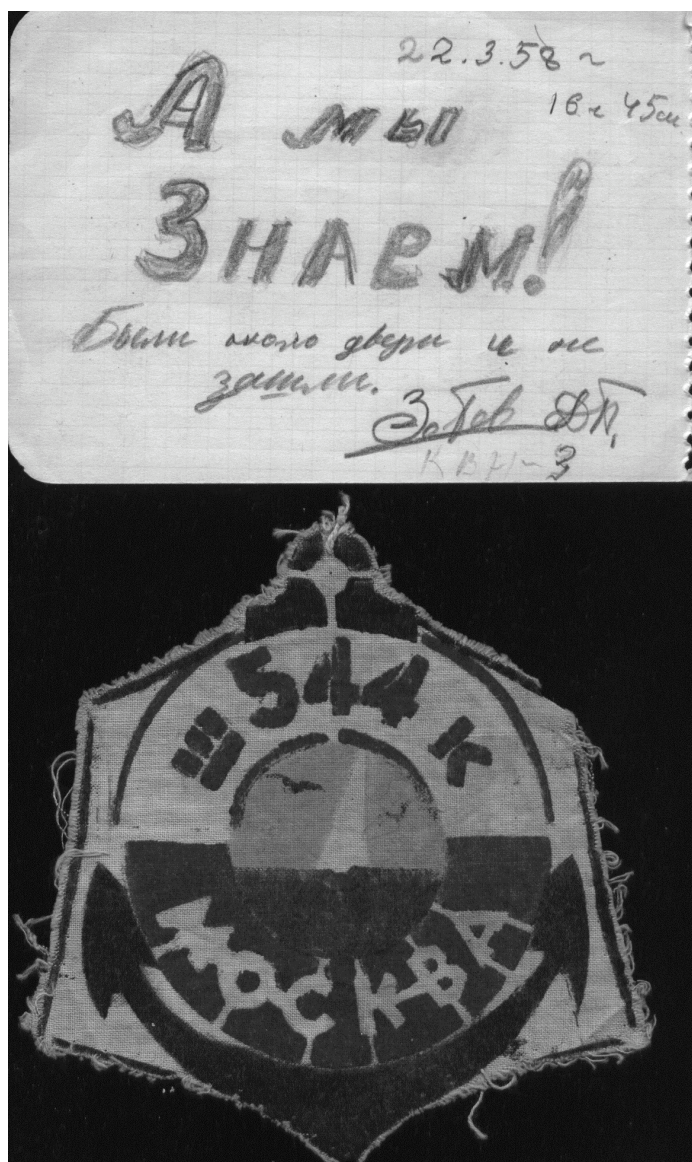
Промптова, чтобы вспомнить птичьи голоса. Там сама впервые близко-близко увидела поющего соловья, сидевшего невысоко на дереве и не замечавшего ничего. Подводила к этому дереву трёх-четырёх ребят, и мы слушали прекрасное соловьиное пение. Обычно после экскурсии садились где-нибудь на солнышке перекусить. И всегда ребята просили меня рассказать какой-нибудь анекдот. Вместо этого рассказывала что-нибудь из Сеттона Томпсона или Джека Лондона. Таких внимательных слушателей, пожалуй, больше не встречала – разве что моих сына и внуков, когда они были маленькими. И не удивительно, ведь раньше им никто никогда не читал, тем более этих авторов, и сами они, конечно, тоже.

В марте 1958 года я собралась выйти замуж и не знала, как сообщить об этом ребятам. Теперь-то понимаю, что должна была просто сказать: «Поздравьте меня, я выхожу замуж». Вместо этого я посоветовалась с учительницей немецкого языка, которая оставалась вместо меня на эти дни классным руководителем, и она сказала, что вовсе нет необходимости говорить об этом – просто «заболеешь» на три дня.

Когда через три дня я появилась в школе, не могла понять, что случилось – ребята не только не обрадовались, как бывало, моему появлению, но старались не подходить, здоровались сквозь зубы, словом устроили какой-то бойкот. Всё разъяснилось в тот же день, когда стали готовить домашние задания. Никто не задавал вопросов, как это было всегда, не разговаривал со мной, сидели молча. И вдруг прозвучал вопрос – «А ОН, наверное, на лыжах не ходит». – «Почему же,– ответила я,– он хорошо ходит» – «А на коньках?» – «И на коньках тоже». Лёд тронулся. Оказалось, что в моё отсутствие немка сидела в классе во время выполнения домашних заданий, и кто-то из мальчишек спросил, не знает ли она, почему не пришла в школу Н. Н. Она, видимо, забыв о нашем разговоре, брякнула: «Да она замуж выходит». Ребята решили, что после замужества я перестану с ними допоздна сидеть в школе, ходить на каток и т. п. Но всё было по-прежнему и наши добрые отношения постепенно восстановились. Однажды, придя домой в дом 13 на Ленинском проспекте, где мы жили с Олегом, я нашла в двери записку: «Мы были, но не зашли». Они меня

выследили, следуя за мной по дороге. До моего замужества некоторые ребята бывали у нас дома на Кутузовском.

В один прекрасный день приехала ко второму или третьему уроку и увидела странную картину – под окнами

Записка моих мальчишек

школы стояли ребята из седьмого класса и с ними Эдуард Георгиевич. Мальчишки по очереди поднимались по водосточной трубе на третий этаж и влезали в открытое окно.

Что бы это могло быть? Оказалось, что ребята собрались сбежать с уроков в кино, а так как дверь в школе была, как всегда, заперта, они вылезли в окно и спустились по водосточной трубе. Всё это наблюдал директор. Дождавшись, когда все спустились на землю, он заставил их

вернуться в класс тем же путём. Не смог влезть только один мальчишка, очень горевал, даже, помнится, всплакнул.

В школе на первом этаже под лестницей был «карцер» – какой-то бывший стенной шкаф.

Сидеть там было невозможно, приходилось стоять час или больше, в зависимости от степени наказания. Ребята тайком носили провинившимся сигареты, проталкивали их в дырки, сделанные снизу двери. В карцер сажали за грубые нарушения – драки, хамство по отношению к учителю и т. п. Наверное, в этот карцер попал и кто-то из зачинщиков описанного выше нарушения дисциплины.

В памяти особенно хранится наш летний поход 1957 г. в Крым по местам боёв Красной армии в 1918 году и во время Великой Отечественной войны. В поход пошло 8 человек – 7 мальчишек и я. Отряд ребята назвали «Белоснежка и семь гномов».

Перед походом меня вызвал директор, вручил мне бумажку с его подписью и печатью школы, где было написано, что просят оказывать помощь руководителю похода, то есть мне. Кроме того, Костяшкин предупредил, что денег даёт только на дорогу и мизерную сумму на питание (так называемые суточные), больше денег в школе нет, поэтому не надо рассчитывать, что нам по звонку или телеграмме что-то пришлют дополнительно. Смехотворные суммы выдали ребятам и родители – на мелочи, у меня с собой было рублей 20. С тем мы и отправились в поход, нагрузившись рюкзаками с палаткой, ведром и продуктами – крупами, макаронами, небольшим количеством консервов.

На поезде доехали до Аскании Нова, где прожили в палатке несколько дней, с удовольствием наблюдая весеннюю степь, ковыль, разных животных и невиданных до того птиц, например, дрофу.

Затем пешком отправились в село Перекоп, где встретились со столетним дедом, рассказавшим нам о боях за Перекоп и Крым во время Гражданской и Великой Отечественной войн. Он рассказал, что в 1946 году в Сиваше обнаружили наш самолет, а в нём засоленного (!) летчика. По словам деда, Сиваш и его берега – это сплошные почти все безымянные могилы.

Следующим пунктом нашего похода был город Армянск, расположенный на другом берегу Сиваша. Спросила у деда, можно ли тут перейти Сиваш. Всего каких-нибудь 500 м.

Он ответил, что нельзя, так как в прилив он превращается в жидкую серую глину, в которой легко можно утонуть, как в болоте. Поэтому решили идти в Армянск по берегу Сиваша.

Идти было трудно – вокруг голая степь, ни деревца, ни кустика, за спиной пока ещё полный рюкзак. Людей вокруг практически не было, лишь иногда встречались пастухи, которые всегда на вопрос – «Далеко ли до...», отвечали: «Та ни, километров пять с таким». Оказалось, что «гак» что-то очень длинное, безразмерное и утомительное, доберешься до села и падаешь под плетень какой-нибудь мазанки.

Один раз остановились отдохнуть и поесть прямо в степи на берегу Сиваша, так как не смогли преодолеть «гак» – устали. Разожгли костерок, я стала готовить, одни ребята помогали, другие отдыхали. Спустя некоторое время, оторвавшись от ведра, в котором готовилась еда, обнаружила у костра только четырёх ребят. Спрятаться было негде – кругом лишь ровная степь. «Где остальные?» – спросила я, оглядываясь. Мальчишки молча показали на Сиваш, а потом сказали, что ребята отправились на разведку, узнать, нельзя ли здесь перейти на тот берег, он вроде недалеко. О, ужас! Ведь дед предупреждал, что идти нельзя, может засосать в прилив, и ребята об этом знали. Побежала к кромке Сиваша, увидела вдали три фигурки, кричать было уже бесполезно – не услышат. Фигурки вскоре исчезли. Такую тревогу и ужас, наверное, испытала впервые. Непонятно, что было делать – идти за ними и топиться, если они не вернуться, но ведь со мной ещё четверо, за жизнь которых я тоже отвечаю. Оставалось только ждать. Время тянулось томительно медленно. Мы впятером стояли на краю Сиваша и смотрели вдаль.

Через какое-то время, показавшееся безмерно большим, увидели сначала одну, потом две и, наконец, три фигуры, быстро приближавшиеся к нам. «Разведчики» вышли на берег, где их радостно встретили ребята и разъяренная Н.Н. Мне кажется, что ни до, ни после этого случая я не была в такой ярости – орала на них, грозила отправить домой с ближайшей станции, обещала, что не видать им Крыма, как собственных ушей и т.д. и т.п. И не было мне при этом стыдно, потому что испсиховалась за это время, а они не оправдывались, понимая, что не правы.

Позже, когда все успокоились, поели и отдохнули, ребята признались, что когда отошли довольно далеко от берега,

увидели, что начался прилив – медленно надвигалась вода – и они бегом помчались к берегу и поняли, что перейти Сиваш, действительно, здесь нельзя.

Наконец, мы добрались до места, где ширина Сиваша была совсем небольшая, метров 50, и пошли на другую сторону. Идти было неприятно, почва под ногами прогибалась, но воды не было и мы благополучно оказались на другом берегу. Там без конца попадались обелиски и просто могильные холмики.

Усталые и голодные добрались до Армянска и, не успев отдохнуть, на местном поезде поехали в Джанкой, откуда должны были ехать в Бахчисарай. Из-за усталости и легкомыслия умудрились забыть в поезде ведро. Обнаружили это уже на платформе в Джанкое. Двое ребят побежали к вагону, чтобы забрать ведро, но вагон был уже заперт, и они полезли в окно, их, естественно, выгнали, ведро не отдали, сказав, что его в вагоне нет. Таким образом, в нашем распоряжении остался только солдатский котелок, в котором варили чай. Мы решили, что выпросим ведро на турбазе в Бахчисарае.

Ребята сели отдыхать, а мы с Юрой Толстым, командиром похода, пошли в кассу за билетами, встали в очередь, следом за нами кто-то подошел и спросил, кто последний. И какая-то тетка, указав на нас, сказала: «Вот эти молодожены». Юрка хохотал, мне было не до смеха, я смутилась. К слову сказать, мой несолидный вид никак не соответствовал виду «руководителя» похода, так что и дальше иногда, обращаясь за помощью к официальным лицам, мне приходилось предъявлять бумажку, выданную директором, и паспорт.

И вот мы на турбазе в Бахчисарае. Поставили палатку и пошли гулять по окрестностям, лазали по огромным камням, на одном из них отдыхали, и я рассказывала ребятам что-то из Джека Лондона. На базе были дня два. В первый же день пошла к директору, рассказала о нашей потере и попросила дать нам ведро, обещая вернуть его на следующей базе. Но он отказал, сказав, что свободных ведер нет. Я показала ему на ведро, стоявшее у какой-то местной палатки, но директор сказал, что оно поганое, для мусора. Делать нечего, сварили в котелке какую-то еду, каждому досталось немного, вскипятили в нем же чай. Наутро снова бродили по окрестностям, сходили в Бахчисарай, посмотрели Бахчиса-

райский фонтан и дворец, были и на рынке, где мальчишки, достав родительские деньги, пили молодое вино, продававшееся в розлив. Днём отправились играть в волейбол. Когда вернулись в свою палатку, меня вызвал директор и попросил ... вернуть ведро! Какое?? Спросила у ребят, они удивились и сказали, что не брали никакого ведра. «Ну, ну...» – сказал директор и ушел. Рано утром пошли по маршруту, метрах в 100–150 от базы. Женька Аверочкин тихонько сказал мне, указав на кучу камней, что там спрятано ведро, украденное таки от палатки. Я запретила его брать.

Наш путь лежал через Крымские горы, через Крымский каньон, где тоже была турбаза. Поставив палатку и отметившись у начальства, отправились, не зная маршрута, в каньон. Тут уж полностью проявились мои неопытность (никогда не была до этого в горах) и легкомыслие.

Как-то все-таки вышли на дно каньона, по обе стороны которого возвышались довольно крутые и немалые горы, а впереди – небольшой водоём – чаша в камнях с прозрачной зеленой водой. Вспомнили, что на турбазе говорили о какой-то «ванне молодости», решили, что это она (так и оказалось), макнули в неё руки и ноги, поняли, что вода очень холодна. Но один из парней (Витька Зыков) заявил, что это ерунда, разделся и нырнул в воду. Буквально через секунду он вынырнул, дрожа от обжигающе холодной воды и ... без трусов. Повеселились, поздравили его с тем, что он наверняка сильно помолодел. Решили, что пора возвращаться и полезли по крутому откосу вверх, несмотря на то, что поверху проходила организованная группа с инструктором, который кричал нам, что здесь взбираться опасно. Ерунда! Полезли, камни начали сыпаться из-под ног, но продолжали лезть вверх. Последний кусок подъема преодолевали по дереву – влезли на него и с него на вершину хребта. Тут я поняла, что на дерево влезть не смогу – никогда не лазила... Но двое ребят, которые постоянно меня страховали, подсадили меня, подтолкнули, сверху протянули руки, и я оказалась наверху. Все кончилось благополучно. Дошли до турбазы по туристской тропе, встретив на ней змею.

Последним пунктом горного участка нашего маршрута была гора Ай Петри, с которой открывался чудесный вид на южное побережье Крыма, дворцы, парки и море, которого никто из ребят до того не видел. Уже стемнело и мы улеглись